

Шигурова Татьяна Алексеевна

ТЕКСТ МОРДОВСКОГО КОСТЮМА КАК "ПАМЯТЬ КУЛЬТУРЫ"

В статье показана одна из важнейших функций текста традиционного мордовского костюма, заключающаяся в аккумулировании культурной памяти этноса. Феномен культурной памяти связывается с фактом повторения формы женского головного убора, декора одежды мордвы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-3/51.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. III. С. 197-201. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Вместе с тем закрепление в законе процессуального порядка признания судом доказательств недопустимыми (ч. 4 ст. 88 УПК РФ) делает возможным принятие такого решения на стадии подготовки только в ходе предварительного слушания, где сторонам должно быть предоставлено право высказать свою точку зрения о наличии оснований для исключения доказательств. В связи с этим нельзя не отметить непоследовательность законодателя, который закрепил обязанность судьи исключить доказательство при обнаружении им оснований для этого, но не предусмотрел соответствующее основание для назначения предварительного слушания, тем самым лишив судью возможности разрешить данный вопрос на стадии подготовки дела к судебному заседанию при отсутствии ходатайства стороны. Учитывая, что скорейшее исключение недопустимого доказательства соответствует назначению уголовного процесса, подготовительному характеру стадии и стоящей перед ней задаче по созданию необходимых условий для успешного проведения судебного разбирательства, считаем необходимым закрепить в законе право судьи назначать предварительное слушание при наличии оснований для исключения доказательства. К сожалению, анализ судебной практики показал, что судьи ни на предварительном слушании, ни в судебном разбирательстве по своей инициативе не ставят вопрос о допустимости имеющихся в деле доказательств, предпочитая отдавать инициативу в данном вопросе сторонам.

Список литературы

1. **Меринев Э.** Правомерна ли активность суда в решении вопросов о допустимости доказательств? // Законность. 2006. № 3. С. 26-29.
2. **О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству:** Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2009 № 28 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 2. С. 13-25.
3. **Подольный Н. А.** Публичность в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2009. № 11. С. 25-27.
4. **Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 1999 г. № 7-П** // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). 1999. № 17. Ст. 2205.
5. **Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. № 18-П** // Там же. 2003. № 51. Ст. 5026.
6. **Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 г. № 13-П** // Там же. 2004. № 27. Ст. 2804.

ABOUT THE LIMITS OF A JUDGE'S ACTIVITY WHILE SOLVING PROBLEMS AT THE STAGE OF CRIMINAL CASE PREPARATION FOR COURT SITTING

Aleksandr Viktorovich Shigurov, Ph. D. in Law, Associate Professor
Department of Criminal Law, Criminalistics and Criminology
Mordvinian State University named after N. P. Ogarev
arshigurov@mail.ru

The author considers the limits of a judge's acceptable activity while solving different problems at the stage of the preparation for court sitting and determines both general principles of such limitations determination and the particular cases of the mentioned regulations realization in practice.

Key words and phrases: preparation for court sitting; competitiveness principle; judge; admissibility of evidence.

УДК 130.2:391(470.345)

В статье показана одна из важнейших функций текста традиционного мордовского костюма, заключающаяся в аккумуляции культурной памяти этноса. Феномен культурной памяти связывается с фактом повторения формы женского головного убора, декора одежды мордвы.

Ключевые слова и фразы: культура; память культуры; традиционный мордовский костюм; головной убор; вышивка.

Татьяна Алексеевна Шигурова, к.и.н., доцент
Кафедра культурологии, этнокультуры и театрального искусства
Институт национальной культуры при Национальном исследовательском Мордовском государственном университете имени Н. П. Огарева
shigurova_tatyana@mail.ru

ТЕКСТ МОРДОВСКОГО КОСТЮМА КАК «ПАМЯТЬ КУЛЬТУРЫ»[®]

Одним из перспективных направлений в современной теории культуры является информационно-семиотический подход, разработанный в исследованиях таких ученых, как Л. Уайт, Э. Кассирер,

Ю. М. Лотман, Х. Гадамер, А. Моль, которые с разных позиций пришли к схожим выводам, касающимся отличия природного и человеческого образа жизни. Как отмечает А. Кармин, «разум человека дает ему возможность особыми, неизвестными природе способами добывать, накапливать, обрабатывать и использовать информацию... Так образуется огромный, живущий в постоянном изменении и развитии мир социальной информации (смыслов, значений) – “вторая Вселенная”, сотворенная человеком» [7, с. 53]. Уместно вспомнить и точку зрения Ю. М. Лотмана, который культуру воспринимал как сложно устроенный текст [11, с. 72].

Актуальность исследования традиционного мордовского костюма определяется, прежде всего, нерешенностью многих вопросов, касающихся его истоков, генезиса. Первый опыт текстовой интерпретации мордовской одежды представлен в работах Н. И. Гаген-Торн «Одежда народов Поволжья» [5], Г. А. Корнишиной «Знаковые функции народной одежды мордвы» [8], А. С. Лузгина и В. И. Рогачева «Осмысление традиций орнаментальных мотивов мордвы» [12]. Экспликация текста традиционного костюма мордвы означает, в сущности, «считывание» с него информации, которая транслируется целым комплексом элементов, образующих семиотическую систему. Язык созданной народом одежды весьма сложен. Он включает в себя множество слоев: языки объема, соотношения пропорций, фактуры материала, цвета, наконец – своеобразие формы. Кроме того, на определенные языковые понятия наслаиваются эмоциональные впечатления носителя костюма, его воспоминания, субъективные мнения окружающих. Создаваемый образ в каждом конкретном случае мы прочитываем вновь и вновь, стремясь понять содержание, выраженное языком данной формы.

Одна из важнейших функций текста традиционного мордовского костюма середины XIX – начала XX вв. – конденсация культурной памяти («памяти истории» по Ю. М. Лотману). Народная одежда, будучи неразрывно связанной со своим носителем, повторяла из века в век законы развития данного общества и этапы его исторического пути. В мордовской культуре, где долгое время не было письменности, хранение, переработка и трансляция информации определялись такими артефактами культуры, как мифы, произведения искусства, термины родства, ритуалы, пища, костюм и т.п. Сложная семиотическая система традиционного мордовского костюма отражает богатейшую информацию о событиях далекого прошлого. При внимательном отношении к деталям одежды, сохранившей локальные особенности, можно выявить истоки, причины возникновения тех или иных элементов костюма, исторические условия, способствовавшие их формированию. Как известно, вещи – это «материальные свидетели истории, порой единственные, особенно когда речь идет о временах, давно минувших» [3, с. 9]. Ценность такой информации с годами все более возрастает.

Народная мордовская одежда включает в себя разнообразие повседневных, праздничных, ритуальных, локальных вариантов, имеющее большую историческую и культурную ценность. Изучение традиционного костюма позволяет глубже осмыслить вопросы, связанные с историей формирования и развития народов, проследить их культурно-бытовые связи и взаимовлияния [17; 21]. Любая особенность в народном костюме имеет свои истоки, объясняется целесообразностью, хотя, на взгляд наших современников, кажется непонятной и даже странной. Отдельные элементы костюма мордвы мокши и эрзи служат косвенным подтверждением теоретических предположений, гипотез ученых, занимающихся исследованием этнической истории народа. В таких случаях важно лишь правильно «прочитать» текст костюма, определить главную мысль, доминанту содержания в том или ином источнике информации. Залогом правильного понимания семантики текста являются специальные знания о традиционно-бытовой культуре. Только при наличии хорошей предварительной подготовки текст костюма из пассивного носителя смысла превращается в динамическое средство изображения культурной памяти.

В традиционном женском костюме мордвы своеобразием формы выделяется головной убор в виде шапочки. В середине XIX в. он бытовал лишь у терюшевской эрзи – *венец*, а также в локальном варианте теньгушевской эрзи – *пехтим*, представляя собой «шапочку с невысоким... очельем, всю плотно обшитую медными бубенчиками. По краям очелья была пришита бахрома из бисера и мелких серебряных монет...» [1, с. 146]. Необходимо отметить его сходство с подобным головным убором тюркоязычных (чуваши, татары-мишари, башкиры) и финноязычных народов (удмурты, бесермяне, марийцы) – «*тухья*», «*такья*». Известно предположение В. Н. Белицер о появлении его у мордвы под влиянием соседнего населения – группы темниковских татар-мишарей [Там же], что, на наш взгляд, маловероятно.

Истоки формирования прототипов данного головного убора следует искать в более ранний период истории. Этносы Поволжья издавна существуют в едином, не только географически, но и в социальном, культурном пространстве. Избирательно впитывая достижения и опыт древнейших цивилизаций, многие из которых давно исчезли с исторической арены, народы демонстрируют свою яркую самобытность. Вместе с тем нередко прослеживается бытование схожих или идентичных форм головных уборов и орнаментальных мотивов как у славянских, тюркских, так и у финно-угорских народов Среднего Поволжья, что свидетельствует об их давних контактах, которые наложили определенный отпечаток на хозяйство и культуру народов. По мнению Р. Г. Кузеева, на территории Среднего Поволжья и Приуралья на основе местных племен поздней бронзы с эпохи железа до середины I тысячелетия н.э. «складывалась этническая основа, дифференцированная в культурно-языковом отношении, однако находящаяся в состоянии постоянного взаимодействия и взаимопроникновения» [10, с. 28].

По-видимому, истоки формирования прототипов отдельных элементов женского костюма, и в частности головного убора в форме шапочки, следует отнести к эпохе бронзы. П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков в работе «Абашевская культура в Поволжье» дали описание богатого женского головного убора в виде меховой или кожаной шапочки, обильно украшенного медными бляшками, пронизками и бисером [6, с. 59].

Отмеченное сходство с головными уборами народов Поволжья, бытовавшими в более позднее время (I тыс. до н.э. – начало и середина I тыс. н.э.), подтверждается и А. А. Красноперовым. Исследуя удмуртский костюм, он пришел к выводу, что круглая полусферическая шапочка, известная у народов Поволжья, Средней Азии, Прибалтики, Кавказа, «в костюме соответствующих регионов бытовала уже в бронзовом веке», а появление ее возможно еще в эпоху неолита [9, с. 336]. Вполне вероятно, что память о ней сохранилась в свадебном женском головном уборе терюшевской эрзи – *венец*, в локальном варианте у теньгушевской эрзи – *пехтим*.

Традиционный мордовский костюм, повторяя форму головного убора, сохранял тем самым следы былых историко-культурных контактов предков мордвы с индоевропейскими скотоводческими племенами, сформировавшимися в конце III и во II тысячелетии до н.э. своеобразную культуру бронзового века, которая не исчезла полностью, растворившись в среде лесостепных охотничье-рыболовецких племен. Следует заметить, что мордва является наиболее европеоидным этносом по сравнению с другими финно-угорскими народами. Культурная память о давних контактах зафиксирована также в орнаментальных символах костюма терюшевской эрзи. Горизонтально расположенный линейный, ромбический, треугольный узор на рукавной вышивке женской распашной одежды *шуштан* сопоставим с декором керамических сосудов абашевской культуры, что позволило С. П. Толстову высказать предположение о связи «чистых форм прямолинейно-геометрического стиля... с некоторыми типами орнамента бронзовой эпохи» [14, с. 155].

Высказываемая нами гипотеза может быть подкреплена также лингвистическими исследованиями, подтверждающими правомерность утверждения о том, что «у финно-угорского и тюркского по языку населения Среднего Поволжья сохранились следы какого-то древнего языка... возможно, восходящего к древнейшим индоевропейским диалектам» [6, с. 96]. В этом плане вполне убедительно выглядят выводы Н. Д. Русинова, который указывал на индоевропейское происхождение большинства гидронимов Нижегородского Поволжья, уточняя, что «самые ранние из них появились здесь не позднее III тысячелетия до н.э.» [13, с. 95]. Автор назвал ряд археологических культур, в том числе абашевскую, в которой он усматривал предков поздних ариев или, скорее, иранцев.

По мнению финноугроведов, «мордва как лингвистически обособленное явление сформировалась позднее начала иранского воздействия на финно-угорскую речь, но раньше окончания этого воздействия» [2, с. 21-22]. Особо следует отметить исследование Н. В. Бутылова «Иноязычная лексика в мордовских языках: индоевропейские заимствования», в котором содержится глубокий анализ проблемы заимствований с привлечением отечественных и зарубежных источников. «Большинство индогерманистов, – пишет автор, – считают, что древние заимствованные слова финно-угорских языков происходят из арийского (индоиранского) периода» [4, с. 66]. Весьма показательна разработанная Н. В. Бутыловым хронологическая классификация индогерманских заимствований, в которой среди праарийских заимствованных лексических единиц оказываются наиболее важные слова, обозначающие сельскохозяйственные культуры и орудия: «оглобля, злаки, хряк, свинья, поросенок, соль, шелуха, ость, вымя, топор» [Там же, с. 81]. Восприятие носителями финно-волжского языка тех или иных составляющих духовной и материальной культуры зависело от многих факторов: уровня и особенностей социально-экономического развития общества, специфики местных природных условий, обычаев, вкусов, образа жизни населения и т.п. Женский костюм населения, оставившего Кошибеевский могильник, датируемый II в. н.э., имеет близкие аналогии мордовскому по целому ряду признаков: рубаха с разрезом спереди и застежками у шеи, гривны, богатые пояса с кистями, а также головной убор в виде шапочки, обшитой металлическими украшениями [15, с. 58].

Традиционная одежда мордовского народа является составной частью его материальной и духовной культуры [18; 23]. Женский костюм, в отличие от мужского, проделал очень большой путь в своем развитии и эволюции, вплоть до начала XX в. сохраняя традиционные особенности, некоторые архаичные черты, присущие ему с древнейших времен. Осмысление глубинных пластов, самих истоков исторической памяти этноса становится возможным при анализе символических знаков формы головного убора и орнамента локального комплекса традиционного мордовского костюма с учетом всей «толщи» и широты охвата культурной памяти. Известно, что ряд черт в материальной культуре мордовского народа характерен также для народов Средней Азии, поволжских татар, чуваш, башкир: кустарное изготовление войлока и особенно частое упоминание его в устном народном творчестве, широкое распространение вещей, сплетенных из тростника, осоки и соломы (циновки, занавески, покрывки), закладная техника мокшанского ткачества, нагрудные и накосные украшения из монет, кожи, бисера.

Таким образом, текст традиционного мордовского костюма середины XIX в., отражающий идеальный образ человека, был своего рода отпечатком историко-культурной ситуации далекого прошлого. Через столетия он продолжал сохранять отношение человека к переживаемым им событиям и окружающему миру. Культурный смысл памяти мордовского костюма, на наш взгляд, запечатлен в самом факте повторения формы женского головного убора, декора одежды. Это была символическая связующая нить, которая скрепляла прошлое и настоящее в жизни мордовского народа. Традиционный мордовский костюм неразрывно связан с человеком. Создаваемый ежедневно, вновь и вновь, он обеспечивал стабильность передачи необходимой информации из поколения в поколение. Наиболее ценные, с точки зрения общества, фрагменты памяти сохранились с помощью ритуала. Свадебная одежда изготавливалась девушкой к совершеннолетию, надевалась сначала на большие праздники, затем – на свадьбу, после чего – несколько раз в какие-то особые дни. Эту одежду берегли, передавая по наследству от матери к дочери или младшей

сестре, а в начале XX в., оставшуюся в единственном экземпляре на все село, могли надевать по очереди невесты этого села на свадьбу [20; 22].

Бытование особого головного убора объясняется его символической и обрядовой нагрузкой, что вообще характерно для женских головных уборов, отражающих социально-возрастную принадлежность носителя [16; 19]. Компоненты ритуального костюма символизировали наиболее важные духовные ценности народа: его трудолюбие, аккуратность, целомудрие, здоровье и т.п. Важнейший смысл понятия в сфере костюма о коллективе-творце подчеркивается в календарной, семейной обрядности ритуалами совместного изготовления одежды [22, с. 50-51].

Ежедневное надевание костюма означало копирование вчерашнего, включая все правила комплектования, декорирования и проч. Именно благодаря дублированию, взаимозамене (при утрате того или иного смысла) обеспечивалась стабильность в передаче социально-значимой информации от поколения к поколению. Визуальный знак традиционного костюма мордвы сохранял возникшую в глубокой древности потребность выразить в символической, художественной форме неизменность окружающих видимых образов природы и своего собственного – духовного мира. Одновременно он свидетельствовал о том, что в формировании данной этнокультуры принимали участия народы, различные по своему происхождению и языку. Использование современных научных методов при исследовании костюма позволяет решать вопросы, связанные с историей формирования и развития народов, проследить культурно-бытовые связи и взаимовлияния, определять этнические и региональные различия.

Список литературы

1. **Белицер В. Н.** Народная одежда мордвы. М.: Наука, 1973. 215 с.
2. **Бубрих Д. В.** К вопросу о хронологии мордвы // ЛОИКФУН: отчет за 3-й год деятельности: 1927-1928. Л., 1928. С. 13-22.
3. **Буровик К. А.** Родословная вещей. М.: Знание, 1985. 224 с.
4. **Бутылов Н. В.** Иноязычная лексика в мордовских языках: индоевропейские заимствования. Саранск, 2006. 220 с.
5. **Гаген-Торн Н. И.** Женская одежда народов Поволжья: материалы к этногенезу. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. 228 с.
6. **Ефименко П. П., Третьяков П. Н.** Абашевская культура в Поволжье // Материалы и исследования по археологии СССР: абашевская культура в Среднем Поволжье. М.: Изд-во АН СССР, 1961. № 97. С. 43-110.
7. **Кармин А.** Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 53-60.
8. **Корнишина Г. А.** Знаковые функции народной одежды мордвы. Саранск, 2002. 70 с.
9. **Красноперов А. А.** Такья // VIII Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов (Оренбург, 1-5 июля 2009 г.). Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2009. С. 335-336.
10. **Кузеев Р. Г.** Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. 347 с.
11. **Лотман Ю. М.** Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб, 2001. 704 с.
12. **Лузгин А. С., Рогачев В. И.** Осмысление традиций орнаментальных мотивов мордвы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2005. 88 с.
13. **Русинов Н. Д.** Этническое прошлое Нижегородского Поволжья в свете лингвистики. Нижний Новгород: Изд-во «Нижний Новгород», 1994. 202 с.
14. **Толстов С. П.** Итоги и перспективы этнографического изучения национальных групп Нижегородской губернии // Культура и быт населения Центрально-Промышленной области / под ред. В. В. Богданова и С. П. Толстова. М., 1929. С. 149-161.
15. **Трубникова Н. В.** Древние мордовские племена в начале I тысячелетия н.э. // Этногенез мордовского народа. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1965. С. 53-61.
16. **Шигурова Т. А.** Девичий веночек как этнический показатель мордовской одежды // Наследие М. Ф. Жиганова и перспективы исторических исследований в Мордовии: материалы Республик. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения проф. М. Ф. Жиганова (г. Саранск, 17 ноября 2004 г.): в 2-х ч. / отв. ред. В. А. Юрченков; НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ. Саранск, 2006. Ч. 2. С. 197-202.
17. **Шигурова Т. А.** Межкультурные связи (на материале мордовского костюма) // Межкультурные связи в системе литературного образования: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. (19-20 ноября 2008 г.): в 2-х ч. / Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 2008. Ч. 2. С. 196-198.
18. **Шигурова Т. А.** Отношение мордвы к своему национальному костюму (на примере Саратовской губернии середины XIX – начала XX вв.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Волгоград, 2010. № 2. С. 87-96.
19. **Шигурова Т. А.** Покрывало мордовской невесты в свадебном обряде: этно-социальный аспект // Вестник Чувашского университета. Чебоксары, 2011. № 1. С. 133-138.
20. **Шигурова Т. А.** Свадебная одежда мордвы. Саранск, 2010. 172 с.
21. **Шигурова Т. А.** Традиционный женский костюм в аспекте этногенеза мордовского народа // Там же. Чебоксары, 2009. № 4. С. 107-111.
22. **Шигурова Т. А.** Традиционный костюм мордвы в свадебных обычаях и обрядах. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. 88 с.
23. **Шигурова Т. А.** Функциональная характеристика элементов традиционного мордовского костюма (на материале родильных обрядов) // Философия, вера, духовность: истоки, позиция и тенденции развития: монография / под общ. ред. О. И. Кирикова; Воронежский госпедуниверситет. Воронеж, 2005. Кн. 4. С. 248-257.

MORDVINIAN COSTUME CONTENT AS “CULTURE MEMORY”

Tat'yana Alekseevna Shigurova, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Culturology, Ethno-Culture and Theatrical Art
Institute of National Culture
National Research Mordvinian State University named after N. P. Ogarev
shigurova_tatyana@mail.ru

The author shows one of the most important functions of traditional Mordvinian costume content consisting in the accumulation of the ethnic group cultural memory. The phenomenon of cultural memory is connected with the fact of the replication of women's headwear form and Mordvinian clothes decor.

Key words and phrases: culture; culture memory; traditional Mordvinian costume; headwear; embroidery.

УДК 321.01

В статье рассматривается этап зарождения и формирования Российской империи, дается характеристика факторов, сопровождающих этот процесс, анализируется политическая составляющая сложения политического центра имперской системы, приводятся исходные начала формирования имперской доктрины.

Ключевые слова и фразы: империя; Российская империя; имперская доктрина; имперский центр; имперская периферия; Монгольская империя; Золотая Орда; русские княжества; экспансия.

Василий Валерьевич Шишков, к. полит. н., доцент
Кафедра гуманитарных дисциплин
Московский областной институт управления
Fh55@mail.ru

**ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕДПОСЫЛОК ЗАРОЖДЕНИЯ
И ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ[©]**

История зарождения, становления Российской империи представляет собой нечасто повторяющийся исторический сюжет о формировании великой державы из небольшого и незначительного образования, преодолевшего сопротивление своих соседей-конкурентов, покорившего их и тем самым открывшего себе возможности распространения своего могущества, влияния на глобальные процессы, вхождения в мировую цивилизационную историю.

Зародившаяся на периферии основных мировых политических, экономических и культурных отношений и процессов Российская империя политически оформляла развивающуюся в ее рамках самобытную «православно-христианскую» [25, с. 61] цивилизацию. Империя как универсальное государство, по А. Тойнби, обеспечила политически независимое, культурно самостоятельное и экономически самодостаточное бытие цивилизации. С ростом могущества империи распространялось влияние цивилизации, помогавшей имперской власти утвердиться на колонизируемых распространявшимся населением территориях. Имперский центр через колонизацию распространял свое влияние, затем утверждал свою власть, все дальше отодвигая имперскую периферию. На значение колонизации в русской истории обратил внимание еще В. О. Ключевский: «История России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной её территорией» [12, с. 50]. Для выдающегося историка колонизация выступала основным фактом русской истории и основой для ее периодизации, им выделены: 1) днепровский, городской, торговый период; 2) верхневолжский, удельно-княжеский, вольно-земледельческий период; 3) великорусский, Московский, царско-боярский, военно-землевладельческий; 4) всероссийский, императорско-дворянский период.

Зарождение империи относится ко второму периоду, в дальнейшем происходил рост имперского могущества, сопровождаемый распространением ее власти на все новые территории и народы до тех пор, пока имперская система не столкнулась с кризисом.

Анализ российского имперского проекта будет неполным без упоминания о том, что Российская империя сформировалась в необычайно суровых климатических условиях. В случае России географический фактор особенно важен, поскольку страна в основе своей настолько бедна, что позволяет вести в лучшем случае весьма скудное существование [17, с. 13]. По большому счету на протяжении зарождения и всего существования империи ее основой было традиционное общество, для бытия которого природные факторы были определяющими.